

ИРВИН ШОУ

НОЧНОЙ ПОРТЬЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
Ш81

Серия «Эксклюзивная классика»

Irwin Shaw
Night Work

Перевод с английского А. Санина, Г. Льва

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца

Печатается с разрешения наследников автора
и литературных агентств
The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

Шоу, Ирвин.

Ш81 Ночной портье : [роман: перевод с английского] / Ирвин Шоу. — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 413, [3] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-080111-4

Казалось бы, лучшие дни Дугласа Граймса давно позади. Бывший летчик, а теперь ночной портье в дешевой гостинице, он едва сводит концы с концами. Но тут судьба делает головокружительный поворот — внезапно умирает один из постояльцев и Дуглас с его деньгами бежит в Европу.

Вот он — шанс взять у жизни реванш! И Дуглас Граймс готов воспользоваться им, поставив на карту все, что у него есть...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Irwin Shaw, 1975
© Перевод. А. Санин, 2005
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Герде Нильсен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ночь... Сижу один-одинешенек, огражденный пуленепробиваемым стеклом в запертой на ключ конторке. За окном Нью-Йорк в тисках угрюмой январской ночи.

Вот уже два года шесть раз в неделю я прихожу сюда за час до полуночи и остаюсь до восьми утра. В конторке тепло и с разговорами никто не лезет. Работа мне не то чтобы нравится, но и не противна.

Служебные обязанности оставляют мне время и для личных занятий, установленный ночной распорядок течет, как ему положено. Часок-другой я провожу за изучением программы скачек «Рэйсинг форм» и продумываю свои ставки на следующий день. Это очень живо составленная программа, полная оптимизма и с каждым выпуском вселяющая новые надежды.

Покончив с прикидкой таких показателей, как вес лошади, ее резвость, дистанция, ожидаемая погода, я принимаюсь за духовную пищу, постоянно заботаюсь о том, чтобы иметь под рукой книги по своему вкусу. Ночной харч — сэндвич и бутылку пива — я покупаю по дороге на работу. В течение ночи обязательно проделываю изометрические упражнения для рук,

ног и живота. Несмотря на сидячую работу, я в тридцать три года чувствую себя лучше, чем в двадцать лет. Люди удивляются, что при моем росте — меньше шести футов — вешу я сто восемьдесят пять фунтов. Однако мой вес меня не огорчает. Мне бы только хотелось быть повыше ростом. Женщины говорят, что у меня еще юношеский вид, но я не считаю это комплиментом. Я никогда не был маменькиным сынком. Подобно большинству мужчин, я бы хотел походить на таких персонажей из телефильмов, как отважный морской капитан или искатель приключений.

Составляя отчет за прошедшие сутки для дневной смены, я работал на счетной машинке. Когда нажимал клавиши, машинка жужжала, как большое рассерженное насекомое. Вначале звук этот досаждал мне, но теперь я привык. За стеклом моей конторки в вестибюле было темным-темно. Хозяин экономил на электроэнергии, как, впрочем, и на всем остальном.

Пуленепробиваемое стекло в конторке появилось после того, как работавший до меня ночной портье был дважды зверски избит и ограблен. Ему наложили сорок три шва, и он решил переменить службу.

Следует признать, что с цифрами я умею обращаться лишь благодаря тому, что мать в свое время заставила меня пройти в колледже годичный курс счетоводства и бухгалтерии. Она настаивала, чтобы за четыре года учебы в колледже я научился хотя бы одной полезной, как она говорила, вещи. Окончил я колледж одиннадцать лет назад, и моей матери теперь уже нет в живых.

Отель, в котором я служу, называется «Святой Августин». Трудно сказать, из каких побуждений дал это имя отелю его первый владелец. Ни на одной сте-

не вы не увидите распятия, его нет даже в вестибюле, где в четырех запыленных кадках стоят какие-то каучуковые растения якобы тропического вида. Снаружи отель еще выглядит достаточно солидно — он знал лучшие дни и лучших постояльцев. Плата сейчас тут небольшая, но и на какие-нибудь особенные удобства и обслуживание рассчитывать не приходится.

За исключением двух-трех постояльцев, приходящих поздно, мне не с кем и словом перекинуться. Но я и не искал такой работы, где требуется общительность. Часто за целую ночь нигде в здании не зажжется свет.

Платят мне сто двадцать пять долларов в неделю. Живу я в однокомнатной квартире, с кухней и ванной, в восточной части Нью-Йорка на Восемьдесят первой улице.

Этой ночью меня потревожили только однажды, во втором часу, когда какая-то проститутка спустилась по лестнице в вестибюль и потребовала, чтобы я выпустил ее на улицу. Пришла в отель она до того, как я заступил на дежурство, так что я не знал, в каком номере она была. Возле парадной двери имелась кнопка-звонок, предназначенная для того, чтобы дверь автоматически открывалась, но неделю назад звонок вышел из строя. Когда я отомкнул дверь, холодный ночной воздух пахнул мне в лицо, и, пожившись, я с удовольствием вернулся в свою теплую конторку.

Программа скачек на следующий день в Хайалиа лежала у меня на столе. У них на юге сейчас празднично и тепло. Я уже сделал свой выбор: во втором заезде поставить на Глорию. Возможный выигрыш в случае ее победы был бы один к пятнадцати.

Игроком я стал давно. Добрую часть времени в колледже я провел за игрой в покер в нашем студенческом землячестве. Работая затем в штате Вермонт,

я каждую неделю садился за карточный стол и за время пребывания там выиграл несколько тысяч долларов. С тех пор мне не особенно везло.

Страсть к игре и привела меня на службу в отель «Святой Августин». Когда меня впервые занесло в Нью-Йорк, я в баре случайно познакомился с одним букмекером*, который жил как раз в этом отеле и здесь же расплачивался со своими клиентами. Он открыл мне кредит, а в конце недели мы с ним подводили итоги. Я тоже поселился в этом же отеле: мои средства не позволяли выбрать что-нибудь лучшее.

Когда мой долг букмекеру достиг пятисот долларов, он перестал принимать мои ставки. Однако сообщил, что, к моему счастью, ночной портье отеля уходит с работы и хозяин ищет замену. «Вы производите впечатление, — сказал букмекер, — человека образованного, окончившего колледж и, наверное, знакомого с правилами сложения и вычитания».

Поступив на эту работу, я сразу же выехал из «Святого Августина». Находиться там круглые сутки было испытанием, которое едва ли кто мог вынести.

Из недельных получек я стал выплачивать долг букмекеру, и когда погасил его, он снова открыл мне кредит. Однако теперь я опять должен ему сто пятьдесят долларов.

Как мы условились с самого начала, я указывал в записке свою ставку на ту или иную лошадь, клал записку в конверт и опускал в ящик букмекера в отеле. Вставал букмекер поздно и раньше одиннадцати утра не заглядывал в свой ящик. В эту ночь я решил поставить пять долларов. В случае выигрыша я полу-

* Лицо, заключающее пари на бегах и скачках и собирающее денежные заклады. — *Здесь и далее примеч. пер.*

чил бы семьдесят пять долларов, что покрыло бы половину моего долга.

На моем столе рядом с программой скачек лежала Библия, открытая на Книге псалмов. Я вырос в религиозной богобоязненной семье и временами по привычке перечитывал Библию. Моя вера в Бога была уже не такой, как когда-то в детстве, но мне еще доставляло удовольствие заглядывать в Священное Писание. Тут же на столе примостился роман «Мерзкая плоть» Ивлины Во и «Каприз Олмейера» Джозефа Конрада. За два года ночной работы я значительно расширил свое знакомство с английской и американской литературой.

Усевшись за счетную машинку, я бросил взгляд на открытую страницу из Книги псалмов: «Хвалите Его по могуществу Его, хвалите Его по множеству величия Его. Хвалите Его со звуком трубным, хвалите Его на псалтири и гусях. Хвалите Его с тимпаном и ликами, хвалите Его на струнах и органе».

Вполне приемлемо было для Иерусалима, подумал я. Но где в Нью-Йорке вы найдете тимпан?

Из небесной дали, проникая сквозь бетон и сталь, донеслось в эту минуту гудение реактивного самолета, летевшего над Нью-Йорком. Я прислушался, представив себе ровную взлетно-посадочную полосу, молчаливых диспетчеров на контрольной вышке, мерцание приборов, обзор ночного неба радаром.

— Ох, Боже мой, — вслух подумал я.

Закончив щелкать на счетной машинке, я отодвинул стул, взял лист бумаги, положил его на колени и посмотрел на настенный календарь. Потом стал медленно, дюйм за дюймом, поднимать бумажный лист, не спуская глаз с календаря. Увы, заметил я бумагу,

лишь когда край листа поравнялся с моим подбородком. Чуда опять не произошло.

— Ох, Боже мой, — повторил я и, скомкав лист, в сердцах швырнул его в корзину для бумаг.

Потом, аккуратно сложив счета, я принялся рассортировывать их в алфавитном порядке. Делал это механически, мысли были заняты совсем другим, и я не обращал внимания на дату выписанных счетов. Случайно она вдруг бросилась мне в глаза. 15 января. Годовщина. Своего рода. Я печально усмехнулся. Как раз три года тому назад это и случилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Облака заволокли Нью-Йорк, но когда, идя на север, мы прошли над Пикскиллом, небо очистилось и заголубело. В лучах солнца заискрился на холмах снег. Я вел небольшой самолет «сессна» на промежуточную посадку в аэропорту Тетерборо и краем уха слышал, как у меня за спиной пассажиры поздравляли друг друга с хорошей погодой и только что выпавшим снегом. Мы летели на небольшой высоте, около двух тысяч метров, поля под нами походили на хорошо расчерченные шахматные доски, где деревья чернели на белоснежном покрове. Короткие рейсы в это время года были мне особенно по душе. И было радостно и как-то уютно, когда то там, то здесь узнавал я знакомые мне отдельные фермы, дорожные перекрестки, речки и речушки.

Хороша зимой северная часть штата Нью-Йорк, а особенно в пригожий день в начале зимы, когда видишь ее с воздуха. В который уже раз я порадовался тому, что никогда не привлекала меня работа на даль-

них авиалиниях, где большую часть жизни проводишь на высоте более десяти тысяч метров, а земля скрыта от тебя плотным слоем облаков или выглядит как безликая географическая карта.

В самолете на этот раз было трое пассажиров — Вейлс, его жена и их дочь, упитанная девочка лет двенадцати с торчащими передними зубами, которую звали Диди. Все они были страстными лыжниками, и я уже несколько раз до этого возил их. На Берлингтон, куда мы летели, ходили самолеты регулярной авиалинии, но Вейлс, человек очень занятой, как он любил повторять, отправлялся на лыжные прогулки в удобное для него время и не желал зависеть от расписания. Владелец рекламной фирмы в Нью-Йорке, он не стеснялся в расходах. Заказывая самолет, Вейлс обычно просил, чтобы пилотировал я, — наверное, потому, что иногда я шел с ними, вел на спусках, которые знал лучше их, и тактично обучал лыжной технике.

Вейлс и его жена, сильная, спортивного склада особа, неистово соревновались друг с другом, так что один из них когда-нибудь непременно должен был сломать себе шею. Об их досаде и раздражении я мог судить по резко подчеркнутым обращениям «дорогой» или «дорогая» в напряженные моменты соперничества.

Их дочь Диди была серьезной, неулыбчивой девочкой, вечно с книгой в руках. Усевшись в самолете, она не отрываясь читала до самой посадки. В этом полете она была всецело поглощена романом Эмили Бронте «Грозовой перевал». Я сам в детстве читал запоем (моя мать часто ворчала: «Прекрати, Дуглас, изображать из себя героев прочитанных книг»), и мне было интересно следить от зимы к зиме, какие книги берет Диди с собой в самолет.

Она гораздо лучше своих родителей ходила на лыжах, но они не разрешали ей скатываться на спусках. Как-то утром в пургу, когда ее родители засиделись в веселой компании за коктейлями, мы отправились с ней вдвоем, и она показалась мне совсем другой девочкой. Бесстрашно, с блаженной улыбкой на лице, Диди радостно скользила рядом со мной по склону, как зверек, которому посчастливилось вырваться из клетки на волю.

У папаши Вейлса была широкая натура, и он имел обыкновение после каждого рейса делать мне подарок: то свитер, то пару прекрасных лыжных палок, то бумажник или еще что-нибудь в этом роде. Я, конечно, мог сам купить, что мне нужно, и не любил чаевых в какой бы то ни было форме, но мне не хотелось обидеть его отказом. Кроме того, он был приятным и вполне преуспевающим человеком.

— Прекрасное утро, Дуг, верно? — услышал я за спиной голос Вейлса. Даже в маленьком самолете он не мог усидеть на месте, шныряя то туда, то сюда. Пилот из него вышел бы ужасный. В летную кабину он принес с собой запах алкоголя, так как подкреплялся в пути из небольшой фляжки, которую всегда брал с собой.

— Н-неп-плохая, — подтвердил я. С детских лет я заикался, а потому старался как можно меньше говорить, хотя и не позволял себе стыдиться этого недостатка.

— На лыжах сегодня чудесно.

— Чудесно, — кивнул я. За управлением я особенно не любил разговаривать, но было как-то неудобно сказать об этом Вейлсу.

— Останетесь здесь на этот уик-энд?

— Н-навверное. Я д-договорился встретиться с одной знакомой.

Мою знакомую звали Пэт Майнот. Ее брат работал в конторе нашей авиалинии, и он познакомил меня с ней. Она была учительницей истории в средней школе, и мы условились встретиться после окончания занятий. Превосходная лыжница, она к тому же была очень хорошенькой. Небольшого роста, смуглая, сильная и ловкая.

Я знал ее более двух лет, последний год мы стали близки, но встречались от случая к случаю. То она под разными предлогами отказывалась увидеться и едва замечала меня, когда мы случайно сталкивались, то внезапно сама предлагала провести вечер вместе. Поэтому, как она улыбалась мне, я уже мог сказать, хочет ли она быть со мной.

Пэт была упряма и своенравна. По словам ее брата, почти каждый из его друзей приударял за ней. Я не мог похвастаться амурными успехами, был застенчив и неловок с девушками и не добивался близости с ней. Она тоже как будто не имела никаких видов на меня. Это случилось как-то само собой, когда в конце недели мы два дня провели на лыжных прогулках.

После первой ночи я признался ей: «Это самое лучшее, что было в моей жизни».

«Перестань», — буркнула она. И это все, что она сказала.

Я не задумывался над тем, люблю я ее или нет. Если бы она постоянно не приставала ко мне с тем, чтобы я лечился от заикания, я бы, наверное, попросил ее выйти за меня замуж. Однако подходили свободные дни в конце недели, а я никогда не мог предугадать, в каком она настроении. И я решил быть осторожным.

— Прекрасно, — с воодушевлением подхватил мои слова Вейлс. — Давайте сегодня все вместе пообедаем.

— Благодарю, Д-джордж. — Он настоял, чтобы с первого дня знакомства я называл его и его жену просто по имени. — Б-было бы о-очень п-приятно.

Такой обед дал бы мне возможность снова отложить окончательное решение.

— Так можно ожидать вас в гостинице?

— Б-боюсь, что нет. У меня с-сегодня м-медосмотр.

— У вас, Дуг, что-то маловато свободных дней.

— Т-только в лыжный сезон.

— В начале февраля я с женой отправляюсь в Цюрих. Мы всегда ухитряемся выкроить недельки три, чтобы провести их в Альпах. Бывали ли вы в Альпах?

— Н-никогда не был за границей.

— У вас появится такая возможность, и нам будет приятно, если вы поедете с нами. Я член нью-йоркского лыжного клуба «Кристи». Клуб фрахтует самолеты и организует путешествия в Альпы. Удивительно дешево. Всего триста долларов с носа. И дело не только в деньгах, а и в людях, с которыми вы познакомитесь и сможете выпить, сколько в вас влезет. И притом никаких беспокойств с багажом и швейцарской таможней. Они только машут вам рукой и улыбаются. У меня знакомая в офисе этого клуба, ее фамилия Менсфилд. Я скажу ей, что вы мой друг, и она все вам устроит. Подумайте об этом, у вас еще впереди достаточно времени.

— Н-не искушайте рабочего человека, — усмехнулся я.

— Какого черта, всем надо отдыхать.

— Спасибо, п-подумаю.

Он вернулся на свое место в самолете, оставив у меня в кабине стойкий запах виски. Я уставился на дальний горизонт, обозначавшийся четкой светлой линией на ясном зимнем небе, стараясь подавить зависть к Вейлсу, плохому лыжнику, имеющему, однако, возможность пробыть три недели в Швейцарии и кататься с Альпийских гор, истратив на все про все тысячу долларов.

Выяснив в конторе, что до конца недели полетов у меня больше нет, я поехал в своем «фольксвагене» на медосмотр, проводившийся два раза в год доктором Райяном, который был глазным врачом, но служил у нас по всей медицине, продолжая на стороне ограниченную практику по специальности.

Вот уже пять лет этот добродушный медлительный старик выслушивал мое сердце, измерял кровяное давление, проверял зрение и мышечные рефлексы. За исключением того случая, когда я заболел легким гриппом, ему не случалось прописывать мне что-либо, кроме аспирина. «В полной форме для скачек. Годен брать призы», — каждый раз говорил он, заключая осмотр. Он разделял мой интерес к скаковым лошадям и даже однажды приехал ко мне домой, чтобы рассказать об одной удивительной лошади, которая, по его мнению, добьется огромных успехов на скачках.

Осмотр на этот раз проходил обычным порядком, и доктор одобрительно кивал на каждой стадии проверки. Однако все изменилось, когда он начал проверять мое зрение. Буквы на таблицах я читал бегло, но когда он с помощью лупы стал исследовать мои глаза, лицо у него вытянулось. Он дважды досадливо отмахнулся от медсестры, которая напоминала ему, что